

Судите сами

Реформа судебной системы, начатая российскими властями, откровенно буксует. Неангажированности, независимости судей — что от власти, что от бизнеса — добиться не удастся. Сохраняется обвинительный уклон правосудия, когда оправдательный приговор считается чудом.

«Русский репортер» пообщался с тремя бывшими судьями — от рядового районного судьи до председателя облсуда, — которые раскрыли кухню современной российской судебной системы: кто принимает в судах решения, как действует «телефонное право», почему судьи боятся прокуроров и не боятся выносить несправедливые приговоры.

Усудейской трибуны серьезная потасовка: подсудимый заехал кулаком в челюсть главному свидетелю, их разнимают приставы и адвокаты. За этим шоу бывший зампред районного самарского суда Андрей Моргунков наблюдает не отрываясь: пытается угадать, какой срок получит обвиняемый. Не выходит: подсудимого неожиданно оправдывают. Моргунков нажимает на кнопку пульта и выключает телевизор. Шансов угадать у него было немного: судебные телешоу живут совсем по другим законам, чем реальные суды.

— В настоящем суде такое и представить сложно, — уверяет Моргунков. — Зачем они такой суд показывают? Хотят, чтобы все поверили, что у нас каждого подсудимого оправдывают? Да у нас даже когда по ходу процесса видно, что дело сфабриковано, все равно обвинительный приговор выносят.

— Так сразу и видно, что сфабриковано?

— Конечно. Когда дело сделали, не выходя из кабинета, для статистики, это чувствуешь всегда. Их так и называют — «кабинетные дела». Обычно подобное по наркотикам практикуют. Садится оперативник — он может со следователем быть в сговоре, а может и без него — и «собирает» доказательства: якобы на улице изъял у кого-то наркотики. А какой-нибудь наркоман, который уже долго «виснет» в СИЗО, у которого ломка, подпишет все что угодно: что его остановили на улице, досмотрели и изъяли тот пакетик с наркотиками. Понятые, свидетели, акт изъятия — все документы под копирку, только вписываешь фамилии. Через сутки дело можно направлять в суд. Понятые часто одни и те же, в качестве свидетелей — оперативники из того же отдела. Видишь знакомые фамилии — и сразу понятно, какое дело пришло.

— И что, нельзя оправдать?

— Можно.

— А вы оправдывали?

— Наркоманов? Нет. Я их не люблю. Могу только квалификацию поменять — из «реализации и изготовления» сделать «незаконное приобретение» или «хранение», это более мягкая статья. И будущее подсудимому уже не таким мрачным кажется, и не колония ему светит, а условный срок. Но в любом случае судимость остается.

Судейское чутье

Полтора года назад Андрей Моргунков сменил мантию на деловой костюм и теперь легко раскрывает секреты судебной практики. Может, например, с двух сторон — и как бизнесмен, и как экс-судья — посмотреть на кампанию по либерализации УПК в отношении совершивших экономические преступления. И оказывается скептиком.

— Борьба с нападками на бизнесменов почти невозможно. Потому что никто не готов идти против прокуратуры. А то столько визгу будет!.. Обычно это связано с арестами. Оставишь человека под подпиской о невыезде, тут же начнут через областной суд действовать, капать на тебя руководству. И в областном суде дают добро на арест, а потом организуют звонок в районный суд. Причем даже в тех случаях, когда видно, что судебной перспективы у дела нет.

— А как же поправки в закон, запрещающие арест подозреваемых в экономических преступлениях?

— Я вам так скажу: рейдерские захваты ведь никто не отменял. А практически все они по-прежнему делаются с помощью уголовного преследования жертвы. Эти поправки в УПК мало что дали. Экономических статей в кодексе много. Следователи корректируют состав преступления так, чтобы можно было выйти на арест бизнесмена. А уже непосредственно перед судом меняют квалификацию статьи. И даже если предпринимателя в итоге оправдали, он сколько времени просидел в СИЗО, а значит, бизнес или забрали, или с ним большие проблемы.

Предприниматель Моргунков не думает, что такое может произойти и с ним. Статус экс-судьи, пусть даже и опального, — некое подобие охранной грамоты.

— Сейчас бал правит исполнительная власть, — продолжает между тем Моргунков. — Администрация руками суда занимается переделом собственности. Был один мэр, продавал землю. Пришел новый, пытается с помощью суда вернуть ее обратно в муниципальную собственность. И попробуй судья вынести решение, которое не устроит чиновников...

— А вы пробовали?

— После этого и ушел. Было одно дело: арендовал человек на набережной землю, построил кафе. Потом захотел землю выкупить, по закону это можно. Раз написал в администрацию, второй — никакой реакции. Подал в суд.

— И что вы решили?

— Да только обязал, чтобы чиновники рассмотрели его просьбу. Но, видимо, сильно их этим возмутил. Подключили прессу, которая расписала, что я чуть ли не подарил участок предпринимателю. Я до последнего не верил, что квалификационная коллегия построится по струнке и беспрекословно послушает председателя облсуда. Хотя сейчас председателю часто даже говорить ничего не надо, звонить, чтобы «провести» в коллегии или тем более в районном суде нужное решение: все уже сами чувствуют, какой приговор нужен.

— Вы говорите так, как будто еще недавно было по-другому.

— Конечно. Чутье-то выработалось не сразу. За год в Самаре в отставку ушли десятка два судей — те, которые без чутья оказались. Это были показательные процессы, так сказать, для внутреннего пользования. Понятно, что все остальные сильно испугались. Раньше, если рассматривалось дело, в котором интересы влиятельных людей были замешаны, тоже могли намекнуть судье — тактично, не навязывая решения. Но люди осторожничали, судья мог отказаться от рекомендаций. А сейчас, если заинтересованные люди организуют звонок из областного суда, ни один судья не скажет: «Нет». Примут нужное решение, даже если понимают, что это несправедливо.

— Даже если доказательная база не позволяет?

— Да начни судья не то что дело разваливать, а просто указывать следствию на недостатки, его сразу спросят: «Ты что, выгораживаешь преступника? Заинтересован как-то? Может, взятку уже получил?»

— Вам предлагали когда-нибудь взятки?

— Солгу, если скажу: «Нет». Особенно в 90-е — ставили под окнами новую машину и уходили. Признаться, нелегко было устоять. Но нужно отдавать себе отчет в том, что долго так никто не работает. Связываться с подсудимыми нельзя: потом они в какой-то момент начинают к тебе как к себе домой ходить.

— В посредничестве при взятках чаще всего адвокатов подозревают, некоторых даже «посыльными» называют.

— Пару лет назад в Самаре объявили негласное правило, что в судейских семьях не должно быть адвокатов. Многим пришлось выбирать между работой и семьей. Некоторые фиктивно развелись, чтобы сохранить за собой статус судьи. Опытные судьи знают: лучше, чтобы тебя вообще никогда с адвокатами не видели. Но, с другой стороны, никуда не денешься, все равно адвокат заходит в кабинет, адвокат берет дело, адвокат какие-то ходатайства сдает. Все равно общаешься.

— И часто через них подсудимые пытаются вопрос в свою пользу решить?

— Что греха таить, бывает. Причем иногда даже без прямого участия судьи. Допустим, ведешь ты дело, а твой знакомый адвокат говорит: «Ну жалко пацана, первый раз попался. Дурак он, конечно, но что, сразу в колонию, что ли?» А ты берешь и без всякой задней мысли поддерживаешь: «Ну да, в общем-то, конечно, дают за такое три-пять условно — и идет домой». Ты-то просто мнение высказал. А адвокат идет к клиенту и говорит: «Вопрос можно решить, под это нужно столько-то денег».

— Сами попадались на такие уловки?

— Бывало. Правда, понимал это поздно. Как-то оказался в одной компании с родителями бывшего подсудимого. И, уже выпив, отец его мне говорит: «Саня, а ты ведь крут вот тогда-то был». И я понял, что адвокат решил вопрос по той схеме, о которой я вам рассказал. С тех пор не давал никакой конкретики адвокатам, не обнадеживал.

Что такое Мосгорштамп

— Судьи редко на взятках попадают. Но это еще не значит, что не берут, — объясняет второй мой собеседник, бывший судья Дорогомиловского райсуда Москвы Александр Меликов. — К судье попробуй еще подберись через адвокатов, прокуроров. Есть, конечно, совсем отмороженные, в дверь стучатся. Мне было очень тяжело: у меня изначально русские корни, коренной москвич, а фамилия тюркская. Из-за этого меня азербайджанцы за земляка принимали. Часто бывало — дверь распахивается, входит человек в кепке и говорит: «Меликова хочу!»

— Взятки несли?

— Наверняка. У них же напрямую принято договариваться. Но, увидев меня, они тушевались. Это я сейчас лысоватый, а раньше блондинистый был. Одни думали, что обознались, и исчезали, особо настырных приходилось отшивать.

Так ни одной взятки и не взял, уверяет Меликов, карьера и репутация были дороже. Но своих коллег, которые грешили, по-человечески осуждает.

— Обычно приходят и сами предлагают суммы. В зависимости от статьи — 30, 50, 100, 200 тысяч долларов.

— Но о взятках судьям становится известно нечасто.

— Потому что проблему принято решать внутри системы. На публику новость может выйти, только если дело громкое, если незаконное решение коснулось слишком многих людей.

— А ваши коллеги попадались?

— Как-то арестовали в Дорогомиловском суде двух судей. Аферы с квартирами проводили — у умерших владельцев неожиданно появлялись «родственники», и они задним числом признавали у кого дарение, у кого приватизацию. Сами они были из Мурома, в районный московский суд не просто так попали: говорили, что кто-то из Мосгорсуда попросил их взять. Вот они и зарабатывали.

— Есть на кого таких менять?

— Желающих стать судьей много, и места есть. В Москве недокомплект судей — процентов тридцать. Но вакансии не заполняются. И хотя нагрузки на остальных судей возрастают, никто не жалуется. Потому что зарплата сразу станет меньше.

— Как это взаимосвязано?

— Большая часть зарплаты — выплаты из так называемого фонда экономии. Они, бывает, превышают оклад в три раза. А формируется фонд как раз из незанятых ставок. Конечно, из-за недокомплекта повышаются нагрузки. Я в год рассматривал 800 дел. Именно из-за нагрузки судьи уже и в дела особенно не вникают — штампуют приговоры, соглашаются со следствием. Я когда только стал судьей, был случай: ко мне в кабинет старшие судьи зашли, а я дело читаю. Они мне говорят иронично: «А, ну читай, читай. Сколько работаешь-то?» «Месяц», — отвечаю. «Это у тебя пока только пятнадцать дел, а когда больше станет, посмотрим, как ты будешь успевать их читать», — говорят.

— Не поэтому ли наши суды так мало оправдательных приговоров выносят?

— Именно. Со мной работала одна судья, так она за десять лет не оправдала ни одного человека. Я ей говорю: «Не могут же все быть виновны, даже по теории чисел. Где-то ошибка, где-то просто подставили». А она отвечает: «Мне так проще работать. Начну оправдывать, так меня тут же уволят». И отмены несправедливых приговоров уже не боятся. Потому что кассации подаются в Мосгорсуд, а там их отклоняют. Поэтому его и называют Мосгорштамп. Вообще, когда приговор неочевиден, судья оказывается меж двух огней: с одной стороны, нужно не обидеть прокуратуру, а с другой — чтобы высшая инстанция не отменила приговор при кассации. Поддерживать сторону обвинения мешает низкое качество следствия. Доказательства собирают с нарушениями, и на это часто приходится закрывать глаза. И в итоге начинаются торги. Судья говорит: «Слабые доказательства». Прокурор: «Да мы не против — давай условное». Защита кивает. И подсудимый получает шесть лет условно. Прокуратуру это устраивает, потому что приговор обвинительный, адвоката — потому что клиент на свободе остался. И судья доволен: всем угодил. Все победили. А на самом деле дикость...

— Ситуация с судами в Москве всегда была такой, как вы ее описываете?

— Нет. Я стал судьей в 1997 году и, честно сказать, до 2001-го вообще не знал, что такое какие-то звонки. Я никогда не слышал от председателя суда никаких советов. Помню, в нашем суде дело «Трех китов» слушалось. Так мы оправдали генерала таможи Волкова (таможенники Александр Волков и Марат Файзуллин обвинялись в превышении полномочий, но были полностью оправданы Дорогомиловским судом. — «РР»). Потом Мосгорсуд на нас долго зубами скрипел, потому что ему другое решение спустили.

— А кто Мосгорсуду указывал?

— Там же война между ведомствами шла. Прокуратура и ФСБ с одной стороны, МВД и таможня — с другой. На том уровне решения и диктовались. В итоге судью Ольгу Кудешкину, которая то решение принимала, отправили в отставку, потому что не слушалась. И так с каждым громким делом.

Самого Александра Меликова отправили в отставку в 2005-м. Не помогло даже то, что давно он получил пожизненный статус федерального судьи. Воспользовались реформой, в ходе которой ликвидировались межмуниципальные суды. Их судей формально лишали должности, а потом переназначали во вновь созданные районные. Но тринадцать человек не переназначили. Меликов считает — неугодных.

— Сначала предложили мне уволиться по собственному желанию, по состоянию здоровья. Это хорошая статья: вроде как сошел судья с ума и по состоянию здоровья не может работать. Но он же не виноват, что с ума сошел, и, значит, это приравнивается к почетной отставке с сохранением всех привилегий — большой пенсии, медобслуживания, неприкосновенности. Я не согласился, и тогда придрались ко мне по классической схеме — к отмененным приговорам. Начали заявлять, что эти решения были неправомерными. А для судейской практики отмененные в кассационной инстанции дела — рабочий момент. Если, конечно, их немного. Нормой считается, когда у одного судьи отменяют 10–15 дел в год. Если 25, то начинается проверка: поднимают все дела, анализируют, не было ли подкупов или дело лишь в непрофессионализме. А у меня их за год всего семь было. Мне можно было медаль давать, а не травлю устраивать.

— И какие, на ваш взгляд, были настоящие мотивы?

— А то, что наш Дорогомиловский суд, в том числе благодаря мне, был впереди планеты всей по отказам (в ходатайстве заключить подозреваемого под стражу. — «РР»). И на совещании в Мосгорсуде по итогам года, где было обобщение судебной практики, это представили так, что мы с этого дела чуть ли не обогатились. А я действительно часто отказывал в арестах. Ну, бывают вообще маразматические ситуации. Прокуроры идут с арестом, а я говорю: «Вы вообще соображаете, что вы делаете, зачем вы человека в СИЗО хотите посадить?» Например, девушка пришла с повинной. Бытовуха: она своего сожителя порезала немного. Еще неизвестно, кто прав, кто виноват, он ее первым ударил или она его. Сбежала, ее уже и искать

перестали, в общем, всяк железный. Проходит полгода, и она сама приходит — помирилась со своим сожителем, собралась замуж за него, а тут уголовное дело. Решили они сначала с этим закончить. А ее на арест. Я прокурору говорю: «У тебя совесть есть вообще? Она вам всяк раскрыла, с повинной пришла». Отпустил ее, конечно. Потом ей всего два года условно дали. И таких дел уйма.

Или вот еще: часто я закрывал дела за примирением сторон. Это тоже не нравилось. Однажды звонок из Мосгорсуда: «Чего-то Меликов там распрекращался, скажите ему, пусть с этим делом завязывает». А мне с какой стати завязывать? Есть 25-я статья УПК: прекращение за примирением. Стороны примирились, зачем мне человека сажать? Я и с Егоровой (председатель Мосгорсуда. — «РР») на совещаниях по этим поводам

всегда спорил, пока мне наши девочки-секретари не сказали: «Слушай, давай ты лучше заболей, не ездь на совещание».

Уже четыре года Александр Меликов пытается добиться восстановления в должности судьи. Безрезультатно.

Помидоры счастья

— Представьте: вы — присяжный, вам представили доказательства, но полной уверенности в виновности подсудимого у вас нет. Что вы выберете — признать его виновным или оправдать? — экс-председатель Саратовского областного суда Александр Галкин выжидательно смотрит на меня, догадываясь, впрочем, что я скажу.

— Оправдать, конечно.

— Так все присяжные и поступают. Но им предоставляют только те доказательства, которые были собраны без нарушения процессуального законодательства, а судья-то изучает все доказательства и видит, что подсудимый виновен, поэтому обвинительных приговоров у судей больше, чем у присяжных, — объясняет Галкин огромный процент обвинительных приговоров российских судов.

— Правда, оперативники могут сфальсифицированные доказательства подсунуть, — тут же вступает он в дискуссию с самим собой. — Еще когда не была отменена смертная казнь, приговорили у нас в Саратове к высшей мере одного человека за убийство, готовились расстрелять, но в это время в колонии в этом преступлении признался один заключенный. Оказалось, что в СИЗО оперативники предлагали обвиняемому сигареты, а потом подбросили эти окурки в дом, где было совершено преступление. Эксперты их нашли — и все...

— И судья ничего не заметил... А вы считаете нормальным, что он еще и доказательства, собранные с очевидными нарушениями, во внимание принимает?

— Квалифицированный судья заметил бы. Поэтому все дело в подборе кадров. Я, например, прежде чем рекомендовать судью к утверждению в областной думе, с каждым знакомился. Мне же представление необходимо написать. И вот иногда чувствую интуитивно, что рано человеку судить людей. Незадолго до своей отставки я одному претенденту посоветовал подождать. Он уже экзамен квалификационной коллегии сдал, а я представление в думу решил не писать.

— А лишать статуса судьи часто приходилось? За взятки, например?

— Бывало. Поступает информация, что судья взятки берет. Проверяем, поднимаем старые дела. Если подтверждается, по-хорошему просим уйти, не доводим до прокуратуры. Потому что процесс этот очень непростой: нужно подавать заявление о возбуждении дела генеральному прокурору, проходить «чистилище» — квалификационную коллегию, а в прокуратуре эту волокиту тоже не особенно любят. Поэтому и нам, и прокуратуре лучше, чтобы он сам уволился, без всяких уголовных дел.

— Рядовой судья сегодня может быть независим? От того же председателя райсуда, председателя облсуда?

— Нет, это миф. Такая зависимость всегда существовала. Просто раньше ею не злоупотребляли. У председателя есть рычаги влияния: кнут и пряник. Ведь кто определяет размер премий судьям? Председатель. И если недобросовестный председатель будет давать указания по приговорам, а они не будут выполняться, он найдет, за что объявить дисциплинарное взыскание. Поэтому сегодня судью с толку может сбить даже такой звонок от председателя, в котором тот ничего не попросит, просто поинтересуется ходом дела. Судья сразу же задумается: чего хочет председатель? Он ночи не будет спать, будет думать, какое решение нужно председателю.

— А вы когда-нибудь давали указания? Ведь часто приходится слышать, что именно глава облсуда — передаточное звено в системе «телефонного права».

— Если бы давал такие указания, то до сих пор бы работал, — смеется Галкин. — А я ушел. Потому что устал бороться за независимость.

— А на вас оказывали давление по каким-нибудь делам?

— Смотря что считать давлением.

— К примеру, звонки.

— Не скажу, что их не было.

— И как вы на них реагировали?

— Очень просто. У меня было правило: я это все выслушивал, но судье ничего не говорил. Но и тем, кто звонил, тоже не высказывал, что они себя неправильно ведут. Они ведь не дураки, сами понимали, что закон пытаются нарушить. Что мне зря время терять — им это лишний раз объяснять? Как правило, звонили люди высоких рангов. Есть ведь и городской депутатский корпус, и областной, и другие властные структуры. И, наверное, у них накапливалось раздражение, что они звонят, звонят, а их не воспринимают. Копилась, копилась критическая масса — и вот накопилась.

Два года назад в саратовской прессе прошла волна публикаций о связях Александра Галкина с местным бизнесменом Леонидом Фейтликером, который в то время проходил как подсудимый по делу о клевете и, что самое важное, не скрывал своей оппозиционности к региональной власти.

— Сильно тогда пытались надавить на суд, повлиять на решение, в том числе и звонками, и этими публикациями, — вспоминает Галкин. — Хотя я сразу в открытую заявил: не буду я ничего делать, пусть суд идет как идет, ошибется районный судья — мы подправим в областном.

— А кто вам звонил?

— Я мог бы называть фамилии. Но вопрос очень деликатный: у меня нет для этого доказательств, я не записывал эти звонки на диктофон. Если я вам сейчас это все скажу, вы опубликуете, то они обратятся в суд о защите своей чести и достоинства, в наличии которых я сомневаюсь, а я должен буду доказывать, что это так и было. А потом до меня дошла информация, что, раз не получается повлиять на меня публикациями и звонками, надо присмотреться к моей личной жизни. Последить, куда езжу, с кем встречаюсь, что там делаю и так далее. Следили в итоге или нет, не знаю: люди, которые этим занимаются, наверняка ведь профессионалы, их не увидишь.

В конце концов Александр Галкин не выдержал ежедневного давления — подал в отставку. А перед этим послал в Верховный суд запрос, чтобы проверили все факты, опубликованные в газетах. Коллегия никаких нарушений не выявила.

— Иногда думаю: может, еще нужно было посражаться? Но потом понимаю — снова появилось бы какое-нибудь политическое дело, и началось бы все сначала. Просто не дали бы нормально работать. А ушел — и получил полную независимость. Выращиваю на даче помидоры и вполне счастлив.

Автор: Людмила Наздрачева © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6106 04.09.2010, 13:46 🔄 722
URL: <https://babr24.com/?ADE=88198> Bytes: 21475 / 21448 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Людмила Наздрачева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: kraasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)